

УДК 322-172.3

DOI

РЕВОЛЮЦИЯ РЕФОРМАЦИИ И РЕФОРМАЦИЯ РЕВОЛЮЦИИ**THE REVOLUTION OF THE REFORMATION AND THE REFORMATION OF THE REVOLUTION****Е.М. Мирошникова****E.M. Miroshnikova**

Ленинградский государственный университет им. А.С.Пушкина,
Россия, 196605, Санкт-Петербург, Пушкин, Петербургское ш., 10

Pushkin Leningrad State University (LSU)
10 Peterburg avenue, St. Peterburg, 196605, Russia

E-mail: miroshnikovaem@gmail.com

Аннотация

Статья является откликом на исследование коллег о революции как концепте, дающим возможность применить его как инструмент для анализа различных общественных явлений. Возможно ли развитие, прогрессивное развитие после свершения революции в другом направлении, или же только тоталитаризм явится искателям «светлого будущего»? Автор анализирует феномен Реформации в год его 500-летия. Каковы причины возникновения, распространения и анализа перспектив протестантизма, христианства, религии в целом в современном мире? Можно ли считать Реформацию революцией? Или же это этап на пути развития конфессионализма внутри христианства своего рода религиозная опция? Примечательно, что дух революционной свободы эволюционировал к реформации революции в образе кооперационной модели и экуменизма на родине М. Лютера.

Abstract

The article is a sort of reflection on the research “The Great Russian Revolution: A Modernization of Modern?” about the revolution as a concept, as an instrument for the analyses of the different social issues. What is the result of the revolution? Is the progressive peaceful development after the revolution possible or is it only the real way to the totalitarianism? The author analyses the phenomenon of the Protestantism in its 500 anniversary. Is it correct to say, that the Reformation is a Revolution? Or it is a step on the evolution within Christianity, a sort of the option? Notably, the spirit of the revolution’s freedom evolved to the reformation of the revolution in the form of the cooperation model in State-Church-relations and ecumenism in the modern Germany.

Ключевые слова: революция, тоталитаризм, Реформация, протестантизм, христианство, свобода совести, кооперационная модель государственно-церковных отношений, экуменизм.

Keywords: revolution, totalitarianism, Reformation, Protestantism, Christianity, freedom of conscience, cooperation model of State-Church-Relations, ecumenism.

Среди исследований феномена революции (революций 1917 года) в России статья «Великая Русская революция: модернизация Модерна?» [Аббасов, Борисова, Римский, 2017] вызвала у меня неподдельный интерес. Собственно, заключительный вывод коллег о стремительном превращении духа революционной свободы «в целостный тоталитарный дух» неизбежно приводит к вопросу о том, возможно ли развитие, прогрессивное развитие, после свершения революции в другом направлении, или же только тоталитаризм явится ис-

кателям «светлого будущего»? На мой взгляд, этот вопрос не относится к разряду риторических. Действительно, трактовка понятия «революция» как концепта, инструмента исследования реальности, дает возможность расползтись «по темам и дисциплинам подобно амёбе, растягиваясь в различных направлениях в ответ на те или иные стимулы [Аббасов, Борисова, Римский, 2017, с. 83]. Одним из таких стимулов, на мой взгляд, является 500-летие Реформации.

В чем феномен Реформации, каковы причины возникновения, распространения и анализа перспектив протестантизма, христианства, религии в целом в современном мире? Можно ли считать Реформацию революцией? Или же это этап на пути развития конфессионализма внутри христианства, своего рода религиозная опция? [Ueber Religion entscheiden. 2017]. Методологически правильно, согласно Х. Арендт, которую цитируют авторы, «возвращаться к началу», поскольку «связь проблемы начала с феноменом революции очевидна. О связи начала и насилия гласят легенды о заре человеческой истории в их библейском и античном вариантах... Только там, где присутствует пафос новизны и где новизна сочетается с идеей свободы, мы имеем право говорить о революции...» [Аббасов, Борисова, Римский, 2017, с. 83–84]. В этом контексте логично признать революционный характер Реформации. Реформация утвердила право человека поступать согласно свободе совести, право поиска персонального варианта общения с Богом, право на свободомыслие. Но в результате преследования иудеев и анабаптистов, религиозных войн Европа на столетие была ввергнута в разорение, гибель людей (в живых осталось лишь 40 % населения). В политическом аспекте важным фактором стал поиск эффективных путей преодоления конфронтации. Аугсбургское соглашение 1555 года (кто правит, того и религия), а затем Вестфальский мирный договор 1648 года положили начало «реформации революции», то есть мирному сосуществованию разных направлений внутри христианства.

Реформация не ограничилась лишь особенностями конфессиональными, она проложила дорогу к новым моделям отношений государства и религии: от государственной церкви через секуляризацию к, несомненно, революционному по своему содержанию и форме принципу отделения на примере французского лаицизма. Изначальная идея Лютера о двух империях (Рейхах) – свободная церковь и свободное государство – была им скорректирована после подавления крестьянских восстаний под руководством Мюнцера в сторону признания роли государства как *Notbischop*, то есть верховенства государства, призванного в силу необходимости ограничивать степень свободы, включая и религиозную свободу, для сохранения мира и стабильности. Эта дихотомия недвусмысленно обнажила теснейшую связь религиозного и светского.

Среди разнообразных исследований светскости, секулярности в контексте обозначенной темы я бы выделила рассуждения Х. Казановы о двояком историческом парадоксе, утверждающем, что «*Saekulage*» сначала возникло как теологическая категория именно западного христианства, в то время как его современное встречное понятие «*das Religiose*» является продуктом западного секулярного модерна [Казанова, 2015, с. 89]. Казанова особо подчеркивает идею о существовании различных исторических моделей слияния религиозного и светского и их сильное взаимовлияние на общество. «Уже христианские реформационные движения средневековья создали образцовые основы секуляризации, которые позже были радикализированы протестантской Реформацией и французской революцией» [Казанова, 2015, с. 90]. В данном случае показателен пример самого М. Лютера, получившего «назначение на выход в мир» в качестве профессора университета как выражение внутренней секулярной реформы внутри латинского христианства, как попытку вывести образцовую религиозную жизнь из монастырей в светское.

Тут важно подчеркнуть, что процесс возвращения к истокам веры, к «началу», через силу веры в Христа и бедную церковь начался задолго до Лютера. Примечательно, что истоки Реформации немецкие коллеги на международной конференции в Мюнстере анализировали с частыми ссылками на роль и значение францисканцев в развитии христианства.

Видимо, в случае с Лютером нашла свое подтверждение идея М.М. Бахтина о понятии хронотопа, времени-пространства в их единстве. Применительно к театральному жанру, Вяч. Вс. Иванов указывал на одну из замечательных особенностей этой концепции, согласно которой «с каждым из особенных видов пространства-времени связан особый жанр и особый тип героя романа» [Иванов, 2007, с. 559]. Мне думается, что сходные выводы можно сделать и по поводу религиозной жизни на примере М. Лютера, попавшему и в то время, и в то место.

Несмотря на существенные отличия протестантской реформации и французского лаицизма к отношениям государства и церкви, они придали новый аксиологический смысл «светскому», преодолев католический дуализм между духовной и временной действительностью. Дальнейшее развитие идей и практики Реформации с одной стороны и лаицизма с другой нашло свое отражение в Конституции США, первой в мире Конституции, закрепившей принцип отделения церкви от государства. «Протестантский путь секуляризации, ... парадигма его выражения в культурном ареале англосаксонского кальвинизма, особенно в США, характеризуется стиранием границ и взаимовлиянием религиозного и секулярного, так что в определенном смысле религиозное стало секулярным и секулярное религиозным. Даже „отделение церкви от государства“, закрепленное в Первой поправке к Конституции, нашло поддержку религиозных сект и имело цель защитить свободное выражение религии от вмешательства государства и от образования государственной церкви, защитить федеральное светское государство от любого религиозного вмешательства. И в такой модели совсем нет упадка религии. Наоборот, радикальные процессы социальных преобразований и секулярной модернизации часто сопровождалась со времен американской революции и по сей день религиозным возрождением и новыми движениями» [Казанова, 2015, с. 90].

Современная религиозная ситуация в мире характеризуется весьма противоречивыми процессами: возвращение религии как феномена наряду с упадком влияния христианства в ряде европейских стран; усиление религиозного плюрализма и в то же время укрепление традиционных религий как основы национальной идентичности; усиление тенденции на ограничение религиозной свободы, но при этом укрепление связей внутри общин. На таком амбивалентном фоне особенно выделяется рост харизматических и евангелических групп в разных частях света. Например, в КНР, где действует строгая отделительная модель государственно-церковных отношений, происходит значительное увеличение числа протестантов. Для сравнения: в 1949 году в этой стране насчитывалось 3 млн католиков и 1 млн протестантов, в 2010 году соответственно 9 млн католиков и 58 млн протестантов, в 2030 году ожидается уже 224 млн протестантов [Fenggang Yang, 2017].

В современном многополярном мире происходит слияние современных политических практик с традиционным локальным образом жизни, чаще всего базирующиеся на религиозных традициях. Глобализация и миграция, несомненно, усугубляют ситуацию. В этом отношении особую актуальность приобретают изменения культурно-цивилизационных систем, о чем справедливо говорят белгородские коллеги. «И когда оказываются сопряженными социально-экономические, политические, религиозные, идеологические и этнические кризисы... то и происходят наиболее мощные исторические катаклизмы и потрясения, сопровождающие революционные изменения культурно-цивилизационных систем. Совершаются *культурно-цивилизационные революции*, включающие в качестве ядра и социально-экономические, и политические революции (вопрос о революциях в древнем мире и средневековье мы оставляем в стороне) [Аббасов, Борисова, Римский, 2017, с. 85].

Является ли религия сама по себе проблемой, или, напротив, религия может и должна быть частью решения проблем? Каким образом добиться социальной сплоченности, особенно в странах с растущим религиозным и культурным разнообразием?

После Второй мировой войны на родине Реформации стало реализовываться институциональное партнерство между государством и церквями, подтвержденное конкордатами и договорами. Церковь как социальный институт выполняла желаемую стабилизирующую и идеологическую функции. С середины 60-х годов стала развиваться новая надконфессиональная

экуменическая теология двух больших церквей (католической и евангелической), заключающаяся в том, чтобы христианизировать церковную политику, но не политизировать церковь.

Наиболее показательным в этом отношении является статус юбилейной даты 500-летия Реформации впервые как государственного праздника по всей стране. Среди многочисленных мероприятий, несомненно, выделяется совместная молитва католиков и протестантов. Председатель совета Евангелической церкви в Германии Генрих Бедфорд-Штром приветствовал президента Епископской конференции Германии кардинала Рейнхарда Маркса крестом примирения из церкви Михаила в Хильдесгейме, где в марте 2017 состоялось экуменическое богослужение – «исцеление памяти». При этом кардинал Маркс подчеркнул, что надо идти навстречу друг другу, и пути назад нет. Протестантский епископ признал факты притеснения Лютером иудеев и анабаптистов, за что попросил прощения.

В России 500-летие Реформации было встречено с вниманием и уважением как со стороны государства, так и общества. Вместе с тем в качестве ответной реакции на глобализацию наша страна стремится использовать наиболее влиятельную религиозную организацию – РПЦ МП (Русскую православную церковь Московского патриархата) – для сохранения своей культурной и национальной идентичности. Это вполне объяснимая политика, учитывающая вековые культурные традиции. Но дело в том, что их реализация должна быть и легальной, и легитимной. В нашей стране на законодательном уровне провозглашен принцип отделения церкви от государства, но осуществляется, по сути, кооперационная модель, даже с элементами идентификационной модели. Сейчас следовало бы четко определиться с государственной политикой в области государственно-церковных отношений.

Примечательно, что после свержения монархии в 1917 году одним из первых и важнейших документов новой власти стал законопроект о свободе совести, начался процесс демократизации системы отношений государства с религиозными объединениями, по сути своей в России закладывались основы кооперационной модели. Провозглашение России республикой Постановлением Временного правительства от 1 (14) сентября 1917 года было несомненным реальным шагом на пути к равенству религий перед законом. Поэтому предложение коллег, на мой взгляд, неточно и спорно: «Даже только с учётом духа новой свободы, который принесла наша революция, и установлением в истории России первой Республики можно 7 ноября отмечать как всероссийский праздник, не выдумывая каких-то других „праздничных событий“. Тем более, что новейшая „смута“ в нашем отечестве ещё не завершена...» [Аббасов, Борисова, Римский, 2017, с. 84].

Анализируя опыт Реформации и формирования ГЦО (гражданское церковное общество) в разных странах, очень важно не замкнуться догматически в рамках какой-то определенной модели. Революция Реформации привела к реформации революции в образе кооперационной модели и экуменизма на родине М. Лютера. Разумеется, в этом процессе не стоит абсолютизировать ни общие, ни отдельные черты, поскольку в каждой стране складываются свои специфические взаимоотношения между государством и религией. Религия стала важнейшим фактором международной политики. В этой новой ситуации необходимо больше внимания межкультурному, межконфессиональному, но и внутриконтрфессиональному диалогу. Существенная роль при этом, несомненно, должна принадлежать культурологическому и религиоведческому образованию.

Список литературы

References

1. Аббасов Р.Г., Борисова О.С., Римский В.П. 2017. Великая Русская революция: модернизация Модерна? Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. Выпуск 42, 24 (273): 81–91.

Abbasov R.G., Borisova O.S., Rimskij V.P. 2017. Velikaya Russkaya revolyuciya: modernizaciya Moderna? [The Great Russian Revolution: A Modernization of Modern?] Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Pravo. Issue 42, 24 (273): 81–91 (in Russian).

3. Jose Casanova. 2009. Europas Angst vor der Religion. Berliner Rede zur Religionspolitik. Berlin, Berlin Univ. Press: 83–119. (Russ. ed.: Hoze Kazanova. 2015. Ctrah Evropy pered religiej. Berlin-skie rechi o religioznoj politike. V kn.: Svoboda sovesti v Rossii: istoricheskij i sovremennyj aspekty. Issue 11. Vladivostok, Far Eastern Federal University: 88–105).

4. Иванов В. В. 2007. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том IV. Знаковые системы культуры, искусства, науки. М., Языки славянских культур: 333–344.

Ivanov V. V. Izbrannye truda po semiotike i istorii kul'tury [Selected work on semiotics and cultural history]. Volume IV. Znakovye sistemy kul'tury, iskusstva, nauki [Sign systems of culture, art, science]. M., YAzyki slavyanskikh kul'tur: 333–344 (in Russian).

5. Fenggang Yang. Christianity's Growth in China and Its Contributions to Freedoms. Responding to Conscience, Reformation, and Religious Freedom Across the Centuries. URL: <https://berkeleycenter.georgetown.edu/responses/christianity-s-growth-in-china-and-its-contributions-to-freedoms> (October 31, 2017).

6. Ueber Religion entscheiden. Religioese Alternativen und Optionen im spaetmittelalterlichen und fruehneuzeitlichen Christentum. 19-21.10.2017. WWU, Muenster. www.kulturen-des-entscheidens.de

7. To decide about Religion. Religious Alternatives and Options in the Christianity of the late Middle Age and Early New Age.